

РАЗДЕЛ III. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 643.63

Кусов Г.В.

Кубанский государственный технологический университет

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ «ОСКОРБЛЕНИЕ» И «КЛЕВЕТА» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ (СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА ДИФФАМАЦИИ)

G.Kussov

Kuban state technological university

DECRIMINALIZATION CRIMINAL-LEGAL RATES «OFFENSE» AND « CALUMNY» IN RUSSIAN RIGHT OR FORMATION INSTITUTE DEFAMATION

Аннотация. В статье дан лингвоправовой анализ проблем, возникающих при диагностике вреда чести, достоинству, деловой репутации. Проанализированы действующие нормы института охраны личных нематериальных благ, определены тенденции декриминализации уголовно-правовых норм по делам частного обвинения и предложены варианты решения проблемы. В статье освещены нормы законодательства субъектов Российской Федерации, касающиеся защиты личных нематериальных благ депутатов представительных органов власти. В статье описана новая методика диагностики клеветы на основе сопоставления социальных координат доброго имени лица и номинации в коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: декриминализация уголовно-правовых норм, дела частного обвинения, судебная лингвистическая экспертиза, коммуникативная перверсия, диагностика клеветы, институт диффамации.

Abstract. The article gives linguo-legal analysis of the problems arising in diagnosing harm caused to honor, dignity and business reputation. The current norms of the institute of personal non-material welfare protection were analyzed, the trends of decriminalization of some criminal law norms dealing with private accusation were determined and some solutions to the problem were suggested. The article covers the legal norms of the subjects of the Russian Federation concerning personal non-material welfare protection of the deputies of representative bodies. The author describes new methods of diagnosing calumny based on comparing the social coordinates of individual's good name with its nomination in a communication situation.

Key words: decriminalization criminal law norms, private accusation acts, forensic linguistic examination, communication perversion, diagnostics of calumny, institute of defamation.

В гражданском обществе возрастает роль права в формировании доверительных межсубъектных настроений коммуникативного пространства, так как свобода выражения мнений на-

прямую затрагивает такую важную сферу общественных отношений, как охрана личных нематериальных благ. Личные нематериальные блага представляют собой самостоятельный вид общечеловеческих ценностей – принципиальное достижение современной цивилизации. Имя каждого гражданина неразрывно связано с правом, ибо утрата доброго имени или искажение социального портрета влекут за собой потерю нормальных общественных связей, а значит, и утрату определенного статуса в правоотношениях с другими субъектами [4, 3]. Поэтому честь и достоинство являются важнейшей социально-правовой ценностью и потребностью для любого государства и общества и нуждаются в соответствующей государственной защите. Защита чести и достоинства личности наряду с защитой жизни, здоровья, свободы является одной из первоочередных задач современного демократического государства. Достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (статья 21 Конституции Российской Федерации). Каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени (статья 23 Конституции Российской Федерации).

В речи слово выступает не как единица абстрактной языковой системы, а как единица речевой способности языковой личности, вовлеченная в «нормативную ситуацию» [16, 26]. В таком понимании слово представляет собой не совокупность статичных компонентов, а процесс соотнесения словоформы с некоторой совокупностью «продуктов» переработки чувственного и рационального, индивидуального и социального опыта человека. Объективируясь в слове, идеальная форма существования предметного мира включается в систему общественно выработанного знания и приобретает «относительную самостоятельность, как бы вычленившись из психической деятельности индивида» [31, 41]. Сознание включает не только логические, но также эмоциональные, волевые, эстетические, правовые и иные отображения действительности, «сливающиеся с понятиями, с самими словесными значениями в сложное

семантическое целое» [5, 57]. Поэтому язык, «материализуя результаты познавательной деятельности, отражает как рациональную, так и чувственную, эмоциональную сторону данной деятельности» [30, 64]. В языке, наряду с закреплением результатов познавательной деятельности, получают выражение различные переживания и состояния субъекта, его отношение к окружающему, к другим людям и самому себе [23, 232].

Основа характерных свойств человека заключается в сфере психической деятельности и эмотивных оценок, то есть в «способности человека осуществлять мыслительную деятельность и проявлять волю» [33, 127], реагировать на внешнюю среду, следовать правилам поведения, основанным на социальных, моральных, этических, правовых нормах. Как итог этого антропологического направления в лингвистике – построение языковой картины мира (Сепир, Уорф), то есть «проявление деятельности человека в языке» [29, 64]. Реальный мир человека в значительной мере неосознанно строится на основе «языковых привычек» той или иной социальной группы [32, 261]. В конечном итоге общая модель мира складывается из данных, зафиксированных в языке со всеми его связями, с мышлением, психикой, культурой, то есть с социальными феноменами. Адресат может и не принадлежать на самом деле к указанной в речи референтной группе. Но из-за того, что адресат не может мгновенно опровергнуть при помощи средств логического отрицания принадлежность к социально непривлекательной группе (ксенолекту), у пассивных реципиентов создается негативное мнение об индивиде, который стал объектом вербальной агрессии. Осознание этого факта или его предположение вызывает у адресата чувство утратившего свою социальную значимость в глазах окружающих. Предоставление субъективной информации об адресате, не соответствующей действительности, приводит к искажению социального образа личности среди остальных членов общества, то есть уменьшает ее социальную привлекательность.

Не всякая вербальная агрессия может вызвать эффект искажения социального портрета личности в общественном восприятии. Например, инвектива (Жельвис 1985), произнесенная для выражения своего внутреннего состояния, не может нанести вред социальной значимости другого лица. Но речевая единица, которая в своем прагматическом выражении опирается на систему социальных стереотипов осуждаемого поведения, автоматически включается во взаимодействие социальных субъективных оценок и изменяет сложившийся социальный портрет адресата. Адресная негативная информация о лице создает предпосылки образования в сознании окружающих его людей нового образа, который будет отличаться от первоначального своим искаженным или «извращенным» видом (ср., лат. *perverto* – губить, портить, извращать). Таким образом, при адресной направленности вербальной агрессии и ее способности понизить социальную привлекательность личности можно говорить о том, что лицо подверглось насилию в виде коммуникативной перверсии.

Для характеристики юридических свойств концепта «оскорбление» был предложен лингвистический термин **коммуникативной перверсии** [24], который означает *речевое решение, подчиненное выбору речевых тактических ходов, приводящих к нарушению социокультурной нормы и наносящих вред социальной привлекательности языковой личности путем использования маркеров такой речевой модели социальной стратификации, с которой лицо не может согласиться ввиду потери прежнего авторитета или самоуважения*. Использование в речи перверсивных единиц означает, что выражение отношения или вынесение оценки лицу в вербальной части высказывания прямо или косвенно влияет на общую картину его социальной репрезентативности как личности. Например, оглашение аморального поступка личности (пьяница, несун) автоматически снижает ее социальную привлекательность для окружающих и, следовательно, наносит «урон» ее социальному образу. Коммуника-

тивная перверсия имеет следующие основные типы стратегий речевого поведения: 1) *диффамация* – публичное распространение сведений, порочащих кого-либо; 2) вербальная *дискриминация* – выражение в речи своего превосходства по расовым, национальным, имущественным или иным причинам; 3) вербальная *дискредитация* – подрыв авторитета, умаление значения кого-либо, подрыв доверия; 4) вербальная *инсинуация* – создание предпосылок негативного восприятия социального имиджа кого-либо.

Искажение социального образа личности способно причинить моральный вред личности, так как наносит урон имиджу, портит социальный портрет и ведет к утрате предыдущей социальной значимости в глазах коллектива, от которого личность ждет социального признания. Не зря в древних обществах самым суровым наказанием признавалась социальная смерть в виде изгнания провинившегося из общины, что приводило к физической смерти или попаданию в зависимость [14, 14]. Коммуникативная перверсия инициирует протест против навязываемой в речи социальной идентификации с социально непривлекательной группой и порождает убежденность в необходимости восстановить в первоначальном объеме заниженный социальный статус при помощи норм социального контроля. Функциональной основой проявления коммуникативной перверсии в лингвокультуре являются признаки социальной дифференциации, которые имеют «внешний и внутренний» планы выражения в языке [15, 31], состоящие в демонстрации социальной ранговой позиции индивида (ср., честь, достоинство). Явление коммуникативной перверсии заключается в преднамеренном или неумышленном речевом искажении социального статуса оппонента в негативную сторону с точки зрения норм аморального поведения. Эффект коммуникативной перверсии реализуется через индексы социальных отношений и активирует через дисфункцию вежливости коммуникативный конфликт.

Семантическое поле концепта «имя» (номинация в лингвокультуре) включает следу-

ющие сегменты: «номинация лица» (подсистема «негативная номинация лица»), «доброе имя» и правовой аналог «защита доброго имени» (статья 23 Конституции Российской Федерации), то есть Основным законом гарантируется «право на доброе имя» (статья 21 Конституции Российской Федерации; ср., «доброе имя», «право на имя» статья 150 Гражданского кодекса Российской Федерации). Понятийные правовые сегменты, входящие в семантическое поле концепта «имя», характеризуют его с позиций кодификации запрета на недопустимость искажения социального портрета лица: «оскорбление», «клевета», «тяжкое оскорбление» (подсистема: насилие, издевательство), «публичное оскорбление» (статьи 130, 129, 107, 113, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации); вред, компенсация морального вреда (статья 151 Гражданского кодекса Российской Федерации). Правовые семантические эквиваленты понятия «доброе имя» [25] – «честь, достоинство, деловая репутация» с точки зрения законодателя призваны раскрыть механизм охраны и защиты «права на доброе имя» через имплицитные искажения социального портрета: «унижение чести и достоинства»; «сведения, порочащие честь и достоинство другого лица»; «сведения, подрывающие репутацию другого лица» [27]. Концепт «имя» имеет дополнительные юридические свойства в следующих случаях: 1) *угроза искажения социального портрета*: угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, иные сведения, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких (статьи 163, 179 Уголовного кодекса Российской Федерации); 2) использование специальных *форм тиражирования информации*: публичное выступление, публично демонстрируемое произведение, средства массовой информации, распространение; 3) *отражение картины мира*: ложные сведения; заведомо (ложные) сведения; 4) *морализирование*: обвинение в совершении тяжкого преступления; обвинение в совершении особо тяжкого преступления.

Законтурное пространство концепта «имя» представлено факультативными правовыми понятиями: неуважение к суду; представитель власти; исполнение должностных обязанностей; в связи с исполнением должностных обязанностей; военнослужащий; обязанности военной службы, подчиненный; начальник; право принадлежит от рождения; право принадлежит в силу закона. Научное сознание при лингвокультурном описании концепта «имя» выработало следующие теоретические понятия: «причинение вреда здоровью» (синдромы: пограничные состояния; психосоматические расстройства; соматические заболевания [35, 17]), «нарушение норм морали», «социальная оценка», «плохой стилистический вкус» (реакции на оскорбление или клевету может и не быть, так как оскорбление и клевета – это «сквернословие», то есть это стилистический прием речи, указывающий на низкий уровень социализации личности). Таким образом, при кодификации норм института «доброе имя» через семантическое многообразие концепта «имя» оскорбление принимает вид: оскорбление – «пренебрежение правом лица на доброе имя» (уголовно-правовая квалификация: выраженное в неприличной форме или крайне негативная оценка лица), а клевета (диффамация) – создание препятствий (устно, письменно, графически) для законного использования лицом своего права на «доброе имя» (уголовно-правовая квалификация: прямой умысел).

Человек признан источником своей свободы, существующей не по соизволению государства. Обладание правами и свободами, на которые не может посягать государство, обеспечивает индивиду возможность быть самостоятельным субъектом, способным самоутвердиться в качестве достойного члена общества [21, 51]. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопаснос-

ти государства (статья 55 Конституции Российской Федерации). Никто не вправе безнаказанно обвинять или порочить доброе имя гражданина, если иное не будет установлено вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Каждый журналист обязан четко проводить в своих сообщениях различие между фактами, о которых рассказывают, и тем, что составляет мнения, версии или предположения [19]. «Я могу сказать, что вчера видел лично, как господин Куснирович или господин Дибров на Красной площади трахал козу. Афганскую. Понимаете?! Все – и пошло! Видел я, не видел, а может, мне показалось. «Человек, похожий на Диброва», – я могу сказать. И все безнаказанно», – привел Никита Михалков пример того, как в прессе появляется безнаказанная клевета [34, 1]. Наличие уголовной ответственности журналистов за клевету, оскорбление – важный сдерживающий фактор на пути противоправной деятельности. Исключение уголовной ответственности – недопустимо, поскольку это может привести к самосуду, так как еще очень многие россияне считают, что «злые языки – страшнее пистолета», следовательно, виновные должны быть сурово наказаны. Само наличие уголовной ответственности, если и не исключает, то существенно снижает возможность самосуда [20, 2].

Сущность юридических обязанностей рассматривается в праве как необходимость поведения, а содержание – как конкретные должные действия, предписанные законом, выражаемые в мере необходимого поведения [17, 1]. Прямое указание на несоблюдение лицом сущности обязанностей (конституционных, корпоративных) в общественном сознании создает предвзятое негативное отношение. Доброе имя – это право каждого гражданина действовать от своего имени для исполнения возложенных обязанностей [22] и осуществления всех видов деятельности, не запрещенных законом. Право на «доброе имя» позволяет от своего имени выполнять следующие виды общественно полезной деятельности: 1) участвовать в выборах разных уровней и ступеней (реализовывать изби-

рательное право без опасения быть опороченным, см., [3]); 2) замещать должности (осуществлять профессиональную деятельность); 3) вести публичную деятельность (реализовывать право на свободу слова); 4) вести частную жизнь (реализовывать право на неприкосновенность частной жизни); 5) принимать участие в деятельности общественных организаций (право на объединение); 6) иметь в частной собственности имущество, зарегистрированное на свое имя; 7) создавать семью и иметь гендерные различия; 8) создавать интеллектуальную собственность от своего имени; 9) получать образование и т. д.

Прямое указание на необходимость соблюдения этических стандартов поведения и соблюдения корпоративных норм содержится в специальных законах, касающихся реализации государственной политики Российской Федерации в области функционирования судебного сообщества, предоставления медицинских услуг, образования, военной службы, службы в полиции и др. Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности [36]. Все нормы законодательства государственной гражданской или «корпоративной» службы устанавливают принципы и правила поведения, разработанные на основании высоких морально-этических ценностей и профессиональных стандартов. Бизнес-сообщество Российской Федерации самостоятельно принимает на себя ответственное поведение на рынке и выдвигает повышенные требования к стандартам делового поведения своих сотрудников [18].

В субъектах Российской Федерации были приняты законы субъектов, выдвигающие особые этические требования к поведению лиц, замещающих должности гражданской службы субъекта и депутатов представительных органов власти субъекта Российской Федерации. Законодательство субъек-

тов Российской Федерации устанавливает нормы, вводящие ответственность за посягательство на честь, достоинство депутата представительного органа местного самоуправления, но не дает толкования терминам «оскорбление», «клевета» ни в текстах самих законов, ни в текстах законов субъектов административных правонарушений. Кроме того, законодательство субъектов вводит «новеллы», неизвестные федеральному законодательству: 1) «оскорбление, клевета либо распространение искаженной информации о депутатской деятельности» [13]; 2) «оскорбление, клевета либо распространение информации о депутатской деятельности в искаженном виде» [8 и 12]; «публичное оскорбление депутата, а также его личное оскорбление» [7 и 11]; 3) «неуважение к депутату Совета народных депутатов, выразившееся в совершении кем бы то ни было действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к депутату Совета народных депутатов или к установленным настоящим Законом правилам» [9]; 4) «необоснованные обвинения в чей-либо адрес, грубые, оскорбительные выражения» [10].

Интерпретация в судебной лингвистической экспертизе нововведений «искаженная информация», «информация в искаженном виде», «неуважение к депутату», «неуважение к правилам» потребует от любого эксперта обосновать теоретическую языковую базу нового дискурса «о диффамации», а лишь потом проанализировать и подписать экспертное заключение. Законодатель субъекта Российской Федерации без подготовки теоретического уровня пытается соответствовать новым общественным отношениям, вводя на своих территориях «основы» законодательства о диффамации. Диффамацией является распространение позорящих другое лицо сведений независимо от их истинности [26, 50]. В случае осуществления реформы по декриминализации «клеветы» и «оскорбления» и выводом статей 129 и 130 из Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации остальные статьи, «отсылающие» диспозиции правовых норм к «первоисточнику», останут-

ся без своих правовых дефиниций. Состав оскорбления по части 1 статье 130 Уголовного кодекса Российской Федерации является общим по отношению к таким специальным составам преступлений, которые предусмотрены статьями 297 (неуважение к суду), 319 (оскорбление представителя власти) и 336 (оскорбление военнослужащего) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Фактически российский Уголовный кодекс превратился в свод специальных правил. Каждый общий запрет дублируется на каждое отдельное нарушение. Представляется, что такая уголовно-правовая политика неэффективна и приводит только к увеличению размера (объема) Уголовного кодекса, а не повышению эффективности борьбы с изучаемым явлением [1, 11]. Согласно действующему законодательству клевета – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (статья 129 Уголовного кодекса Российской Федерации). С точки зрения русского языка (и толкования уголовно-правовой нормы), «заведомо ложные сведения» – это измышления, то есть вымысел, продукт фантазии кого-либо. Измышления изначально фактом (то, что имело место в физическом мире и оставило следы) быть не могут, так как это продукт деятельности определенного «мыслителя». Следовательно, «заведомо ложные сведения» – это индивидуальный сценарий, особый взгляд, оценочное мнение автора на подбор суггестивных средств языка с целью представить в «выгодном для себя свете» событие, которого не было (но могли быть подобные в других местах), с целью добиться заданной прагматической цели (опорочить). Мнение автора клеветы индивидуализировано в подборе языковых средств воздействия на массовое сознание, что ничего общего не имеет со «свободой выражения мнения» (критика недостатков общественного явления), гарантированного Конституцией Российской Федерации (статья 29) и международными Конвенциями. Мнение о недостатках социального явления направлено на оптимиза-

цию общественных отношений, а клевета (как и диффамация) всегда персонифицирована и направлена на «социальную гибель» личности через общественный интерес.

В судебной лингвистической экспертизе по делам о клевете вопрос о наличии в спорном высказывании *факта* [28] некорректен (*argumentum ad absurdum*). При осознании ложности высказывания и в целях создания эффекта физического «присутствия» адресант при помощи единиц языка осуществляет привязку к физическому миру через «географию» места события (ср. в лингвокультуре тест на истинность/ложность: «Как самочувствие Андрей, выпивал?»; «А ты мне наливал (*где-то*)?»). При клевете эффект очевидности факта создается описанием «географии» присутствия (*где-то*) и одновременным введением оценочной системы «публичных координат» (ср., в русской лингвокультуре: «позорный столб», «позор» и «опозорить»).

Пример. Статья «Судейская доля» («Правда», № 45 от 29 апреля 2011 г., с. 1): «Доля судей, с которыми Х1 и Х2, возможно, «договорились» (*где-то*) об освобождении из-под стражи, не разглашается». Лингвоправовой анализ: персонификация определяется по материалам уголовного дела; договорились – «координаты» гражданского (договорного) права, не имеющие отношения к уголовному судопроизводству; хотя в спорном тексте нет прямого указания, что судьи получили материальные ценности в качестве предмета взятки; выражается мнение-предположение вводным словом «возможно»; отсутствие ложности сведений не может быть опровергнуто предоставлением копии договора гражданско-правового характера, так как слово «договорились», взятое в кавычки, лишь подтверждает умышленный характер клеветы; автор изначально осознает, что это слово взято из другой «системы координат»; «доля судей» – порочащий характер, так как в контексте статьи «доля» – раздел имущества добытого преступным путем; прием – антитеза: судейская доля – доля награбленного). Таким образом, «*выражение лицом собственного*

мнения» не может полностью исключить возможность преследования за клевету. Задача судебной лингвистической экспертизы «клеветы» показать и ложность языковых «координат», и «порочащий характер» сведений.

Эвентуальность ответственности [2, 10] за клевету заключается в презюмировании вреда «чести и достоинству» как правовой категории референции «добраго имени» к статичному социальному статусу индивида и к социальному статусу в динамике, когда личность, вовлеченная в общественный интерес, реализует в социальном пространстве свои права и свободы (устойчивое благополучие + ожидание социального успеха). Но так как «доброе имя» в современном российском праве не является социально-экономической категорией, имеющей стоимостное выражение (ср., например, статья 1042 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Вкладом товарища является ... деловая репутация и деловые связи. *Денежная оценка* вклада товарища производится по соглашению между товарищами»), то нет смысла ожидать от законодателя введения принципа ответственности за причинение ущерба признанию или ожидаемому социальному успеху ввиду отсутствия понятийного аппарата диффамации. Признание за «добрым именем» статуса социально-экономической категории (диспозитивная норма о специальной регистрации, объявленной ценности, страховании от «вреда», а также ежегодная уплата налога как за «собственность») позволит правоприменителю проводить в особом порядке защиту этого института по правилам причинения материального вреда собственности. Защита незарегистрированных в особом порядке «имен» будет осуществляться по правилам статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации с выстраиванием схем «виртуально подразумеваемого» морального вреда. Эти теоретические вопросы станут актуальными при создании в Российской Федерации законодательства о диффамации. Теоретическая подготовленность законодателя позволит избежать принятия противоречивого законодательства.

Проходящие в Российской Федерации демократические преобразования, реформирование правовой системы и ее постепенное включение в международное и европейское правовое пространство, участие в деятельности Совета Европы и выполнение принятых правовых обязательств – все это вызывает сегодня интерес, обусловленный, прежде всего, стремлением России действительно стать правовым государством. Его фундаментальные основы – торжество закона и неукоснительное соблюдение прав и свобод человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агильдин В.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления // Российский следователь. 2010. № 2. С. 11-14.
2. Александров Н.Г. Законность и правопорядок в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 10-12.
3. Антонов О.Ю. Теория и практика выявления и расследования электоральных преступлений: Автореф. дис....доктора юр. наук. М., 2008. 39 с.
4. Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Дис..... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 196 с.
5. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М.: Высшая Школа, 1983. 335 с.
6. Жельвис В.И. Инвектива: Опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. / Под ред. А.К. Бабурина. Л., 1985. С. 304-307.
7. Закон Алтайского края «О статусе депутата Алтайского краевого Законодательного собрания» от 03 мая 1995 г. URL: <http://www.pravoteka.ru> (дата обращения 17.03.20011 г.).
8. Закон г. Москва «О статусе депутата Московской городской Думы» от 13 июля 1994 г. URL: <http://www.businesspravo.ru> (дата обращения 17.03.20011 г.).
9. Закон Кемеровской области «О статусе депутата Совета народных депутатов Кемеровской области» от 15 апреля 1996 г. Режим доступа: <http://www.sndko.ru> (дата обращения 17.03.20011 г.).
10. Закон Пермского края «О статусе депутата Законодательного Собрания Пермского края» (с изменениями и дополнениями) от 06 марта 2007 г. Режим доступа: <http://pravoved.ucoz.com> (дата обращения 17.03.20011 г.).
11. Закон Республики Калмыкия «О статусе депутата Народного Хурала (Парламента) республики Калмыкия» от 04 июля 2005 г. URL: <http://www.huralrk.ru> (дата обращения 17.03.20011 г.).
12. Закон Ростовской области «О статусе депутата Законодательного собрания Ростовской области» от 08 июня 1994 г. URL: <http://pravo.levonevsky.org> (дата обращения 17.03.20011 г.).
13. Закон Томской области «О статусе депутата Государственной Думы Томской области» от 21 февраля 2002 г. Режим доступа: <http://duma.tomsk.ru> (дата обращения 17.03.20011 г.).
14. Исаев И.А. История государства и права России. М., 1994. 448 с.
15. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002. 333 с.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.
17. Карибаева Э.Т. К исследованию института конституционных обязанностей. URL: <http://www/lawmix.ru> (дата обращения 21.03.20011 г.).
18. Кодекс деловой этики НК «Роснефть», утвержден советом директоров 31.12.2008 // Нефтяной курьер. № 21, январь-февраль, 2009 г.
19. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. URL: <http://www.ruj.ru/about/codex> (дата обращения 21.03.20011 г.).
20. Колоколов Н.А. Клеветник подлостью велик // Российская правовая газета «эж-Юрист». 2008. № 23. С. 1-7.
21. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994. 538 с.
22. Конституция Российской Федерации (1993 г.) // Российская газета. № 237. 1993. 25 декабря.
23. Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. М.: Изд-во МГУ, 1984. 264 с.
24. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: Дис... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.
25. Леонидов М.А. Гражданско-правовая охрана чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени: Дис....канд. юр. наук. Москва, 2007. 152 с.
26. Нуркаева Т., Щербаков С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства личности // Российская юстиция. № 2. 2002. С. 50-51.
27. Омельченко С.С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления: Дис....канд. юр. наук. Москва, 2008. 209 с.
28. Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», от 24 февраля 2005 г.
29. Поставалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б. Л. Серебрянников. М.: Наука, 1988. С. 8-69.

30. Прокопчук А.А. Предложения с эксплицитно выраженными эмотивными значениями и их формы // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: КГУ, 1978. С. 64-80.
31. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
32. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
33. Серебренников Б.Л. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б.Л. Серебренников. М., 1988. С. 87-107.
34. Тельманов Д. Life News Online. Михалков ответил матом на вопрос о мигалке // URL: <http://www.lifenews.ru> (дата обращения 21.03.20011 г.).
35. Тополянский В.Д., Струковская М.В. Психосоматические расстройства. М., 1986. 384 с.
36. Федеральный закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей» (с изменениями и дополнениями) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.